

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Усиление важности Азии в мировой экономике

Китай все еще остается в большой степени просто Средним Царством. Хотя это не Среднее Царство всего мира, он является им, по крайней мере, в Азии, где все увеличивается важность более развитых экономик и более образованных обществ. Поэтому вопрос касается не только Китая — идет ли Азия с Китаем во главе к тому, чтобы взять власть над миром? Кто-то думает, что так и есть, и даже если это не является намерением и целью правящих там элит, то все равно такова логика исторического процесса. Если принять эту интерпретацию, то остается всего 90–100 лет до окончания периода доминирования Запада и захвата ведущей позиции Востоком. Предположительно, это должно случиться в начале XXII века [10].

Растущая сила Азии — это гораздо больше, чем Китай. Объем производства и численность населения быстро возрастают. На континенте проживают почти 4 млрд 500 млн человек; это примерно 60 % населения мира и около 55 % населения за пределами Среднего Востока, который часто рассматривается отдельно по геополитическим причинам². Это огромное население производит 47,3 % валового мирового продукта (ВМП) — немного больше, чем Европа и Северная Америка, вместе взятые. Если посмотреть с другой точки зрения, то это на 8 % больше, чем США и Евросоюз, вместе взятые. В будущем и доля населения Азии, и доля производства будут продолжать расти за счет естественного прироста и более высоких темпов

¹ Доклад основан на отрывках из книги “Czy Chiny zbawią świat?” (Варшава : Издат. дом Prószyński i S-ka, 2018).

² По оценкам, население Среднего Востока составляет около 450 млн человек, если мы включаем в эту часть земного шара также и Египет в Африке, население которого составляет 97 млн человек (на территориально относимом к Азии Синайском полуострове проживает около 1,4 млн человек), и Кипр с 1,2 млн жителей. Вместе с этими двумя странами Средний Восток (территориально полностью расположенный в Азии, кроме европейской части Турции площадью всего 23 тыс. 764 кв. км), является местом проживания примерно 350 млн человек. Это общая численность населения Саудовской Аравии, Бахрейна, Ирака, Ирана, Израиля, Йемена, Иордании, Катара, Кувейта, Ливана, Омана, Палестины, Сирии, Турции и Объединенных Арабских Эмиратов.

экономического роста, чем во всем мире. Нужно понять, что было время, когда доля Азии в мировом производстве превышала 60 % — фактически на протяжении всех столетий предыдущего тысячелетия до примерно 1820 года, мощного начала промышленной революции в западном мире. В 1950 году ее доля составляла менее 20 %, но двух поколений оказалось достаточно, чтобы этот показатель увеличился более чем в два раза.

Двести лет назад, до того как промышленная революция приобрела огромные масштабы вначале в Англии и вскоре после этого в Западной Европе и прежде чем Среднее Царство повернулось спиной к миру и закрылось от него, Китай выпускал почти треть производимой в мире продукции. Ужасающей внутренней политики на протяжении жизни пяти или шести поколений и неблагоприятных внешних условий, включая британское и японское колонизаторство, оказалось достаточно для драматического падения столетие назад, когда доля Китая стала ниже 5 %. Неудивительно, что некоторые авторы пишут о возвращении Китая на международную арену.

Небольшое отступление. Я много лет пытаюсь избежать тавтологии при использовании термина «глобализованный мир», но, кажется, мои усилия напрасны. Эта ошибка часто повторяется и в повседневной речи, и даже в научной литературе. Мир глобален по определению, это земной шар (globe на английском), поэтому мир не может быть глобальным (или всемирным) и не может глобализоваться, поскольку он такой и есть. Глобализация происходит в экономике, торговле, движении капитала, передаче технологий, а также касается рабочей силы, хотя и со значительными ограничениями по культурным, социальным и политическим причинам. Также глобализация происходит и вне *строго* экономической сферы — в такой прекрасной области, как культура, и в такой ужасной, как терроризм. Глобализация — это исторический и спонтанный процесс либерализации, за которой по пятам идет интеграция, превращая прежде по большей части изолированно функционировавшие национальные экономики и местные товарные рынки в один огромный, взаимозависимый и переплетенный рынок капитала, товаров и

рабочей силы, имеющий мировые масштабы. Глобализация имеет и микроэкономический аспект, связанный с взаимодействием производства и обмена путем включения в процесс производства и распределения компаний из многих стран, где экономика все еще считается национальной, хотя процесс управления все больше осуществляется в наднациональных масштабах.

Азиатский континент очень разнообразен — культурно, политически и экономически. Территориально он простирается от Турции и Израиля на западе до Японии и русской Сибири с Камчаткой и Чукоткой на Дальнем Востоке. Кроме азиатской части России, которая обычно не включается в расчеты по Азии, четыре основные части континента — это Китай, Япония и две региональные интеграционные группировки — АСЕАН в Юго-Восточной Азии³, в которой не преобладает ни одна из экономик, и СААРК в Южной Азии⁴, где доминирует Индия — региональная супердержава, если учитывать численность населения (1,28 млрд), экономику (доля в мировом производстве 7,4 % по паритету покупательной способности — ППС) и вооруженные силы (расходы на оборону составляют 2,5 % ВВП).

Из 12 стран, население которых превышает 100 млн человек, семь — Китай, Индия, Индонезия (261 млн), Пакистан (206), Бангладеш (159), Япония (126) и Филиппины (105) — находятся в Азии⁵. Мы опять-таки не рассматриваем евразийскую Россию, где из 142 млн человек только четверть проживает в азиатской части страны. Скоро, уже в этом десятилетии, к ним присоединится еще одна страна — Вьетнам (97 млн жителей в 2018 г.). В этой группе стран население сокращается только в Японии, где с каждым годом все меньше жителей и к тому же среднестатистический японец становится старше:

³ Членами АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии) являются Бруней, Филиппины, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Вьетнам. В них проживает около 650 млн человек (8,7 % от всего человечества), и они производят примерно 10,5 % валового мирового продукта (при расчете на основании паритета покупательной способности, ППС).

⁴ Страны, входящие в СААРК (Ассоциацию регионального сотрудничества Южной Азии) — Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Непал, Мальдивы, Пакистан и Шри-Ланка. В этих странах проживает около 1 млрд 770 млн человек (почти 24 % всего человечества), которые производят примерно 13,7 % валового мирового продукта (при расчете на основании ППС).

⁵ Другие страны, население которых превышает 100 млн человек, — это (в порядке уменьшения) США (327 млн), Бразилия (208), Нигерия (191), Россия (143), Мексика (125) и Эфиопия (196). Вскоре к этой группе неазиатских стран с большой численностью населения присоединится Египет.

медианный возраст составляет уже 47,3 года, то есть половина населения уже перешагнула этот возраст. Однако в Индии общество молодое (медианный возраст 27,9 года), как и в Бангладеш (26,7). Это очень важные сравнения, потому что стареющие общества лишены так называемого демографического дивиденда, влияющего на приток рабочей силы на рынок труда. Поэтому *ceteris paribus* (при прочих равных условиях — лат.) в будущем в Индии можно ожидать более высоких темпов экономического роста, чем в Китае.

Из 20 экономик, доля которых в мировом производстве превышает 1 %, 9 — Китай, Индия, Япония, Индонезия, Турция, Южная Корея, Саудовская Аравия, Иран и Таиланд — находятся в Азии. Поэтому, размышляя о будущей роли Азии — ее демографическом потенциале и культуре, политической важности, экономическом влиянии, следует учитывать, что это почти самый крупный регион в мире во всех отношениях.

Действительно ли все так уж плохо на Западе и так хорошо на Востоке, что американцы вынуждены идти на нешуточные протекционистские меры, чтобы спасти свою шкуру? Или, может, китайцы уже что-то замышляют и используют глобализацию для того, чтобы мир оказался под их гнетом? Эпоха азиатского доминирования уже началась, а евроатлантическая цивилизация отходит на второй план? Нам и в самом деле нужно учить сначала китайский, а потом английский?

Новый шелковый путь

Несомненно, абсолютная позиция Китая — экономическое и соответственно, как полагается большой стране, политическое и военное — и его влияние на то, что происходит в мире, укрепляются и растут [7]. В обозримом будущем положение дел не изменится, потому что этот процесс нельзя остановить, а тем более повернуть назад мирными методами (о других речь не идет). Все остальные должны это признать, несмотря на собственные интересы и предубеждения. Конечно, Китай не отвернется от мира и не замкнется в деструктивной автократии, как уже сделал однажды в прошлом.

Размер страны имеет свои преимущества, но это также и проклятие. Норвегия или Новая Зеландия, Канада или Австралия, Чили или Малайзия, Тунис или Болгария не страдают бессонницей из-за силы и власти, потому что им не грозит стать великими державами. Они должны поддерживать или обеспечивать благополучие своих граждан, и этого достаточно. В отличие от них, Китай, как и США, и Россия и, в меньшей степени, Индия и Япония или Франция и Великобритания, а также Бразилия и Нигерия в региональных масштабах, должен демонстрировать величие — экономическое, политическое и военное. Только страны типа Сингапура или Коста-Рики могут позволить себе пацифистскую ориентацию, но ни в коем случае не Китай или США.

В дополнение к поиску своего места в постоянно меняющемся мире надо сделать рывок в будущее и сделать попытку помириться с остальными. Сегодня это сделать несколько проще, поскольку некоторые процессы идут в противоположном направлении, если сравнить с прошлым. С одной стороны, Китай постоянно привлекает производственные мощности западных корпораций, переходя на их высокие технологии, и одновременно все больше размещает свое производство за границей, уже имея в своем распоряжении современные производственные технологии. С другой стороны, прямые инвестиции более богатых стран, хотя и продолжают идти в Китай, но направляются также в другие экономики, и не только азиатские, где заработные платы ниже, чем в Китае. Их бенефициары включают, среди прочих, Индию и Пакистан, Вьетнам, Камбоджу, Бангладеш и Мьянму. К этому процессу добавляются последствия продолжающегося роста курса китайской валюты. Она укрепляется, так что ежемесячный заработок, например, в 3 тыс. юаней сегодня составляет примерно 475 долларов, в отличие от того, что было несколько лет назад, когда при вдвое меньшей номинальной заработной плате, 1500 юаней, и обменном курсе 8,2 было достаточно 183 долларов. Из-за роста расходов на производственный персонал, которые в последнее время увеличиваются на 20 % в год, и повышения курса юаня Китай уже не так конкурентоспособен, как был когда-то. Процесс, ранее

затронувший такие страны, как Япония, Сингапур, Южная Корея, Тайвань, а также, хотя и в меньшей степени, Малайзию и Таиланд, снова повторяется⁶.

Более того, в США и других западных странах с высокоразвитой экономикой отмечается снижение тенденции к аутсорсингу и вынесению предприятий в офшорные зоны. Это происходит в тех случаях, когда низкая стоимость рабочей силы играет относительно малую роль в общих расходах на производство и продажу той или иной продукции. Есть поразительные расчеты, демонстрирующие, что в цене айпада от Apple с памятью 16 Кбайт, который продавался на рынке США за 499 долларов в 2010 году, стоимость китайской рабочей силы составляла всего 8 долларов, или 1,6 % [9], хотя, возможно, и больше, потому что расчеты включают категорию «неустановленные» расходы на рабочую силу и, таким образом, предполагается, что это расходы за пределами и США, и Китая. В такой ситуации — и перед лицом политического давления с призывом прекратить «экспорт рабочих мест в коммунистический Китай» — производитель может прийти к выводу, что даже если будет платить в пять раз больше за тот же труд, то товар будет иметь маркировку «Сделано в США» (и не нужно будет беспокоиться об аутсорсинге и офшорах) и собираться под Сан-Франциско, а не рядом с Шанхаем. Экономические расчеты никуда не исчезнут и не перевернутся с ног на голову, но политическая концепция будет «выправлена».

На этот раз брошенный Китаем вызов основан не на прошлой попытке (к счастью, неудачной) экспортировать революцию, а в первую очередь на экспорте товаров, и, что важно, капитала. Он сопровождается различными сделками, усиливающими китайское присутствие по всему миру. Это можно увидеть как в международной статистике, так и невооруженным глазом во время путешествий по различным частям света. Однако не сразу заметны и при

⁶ Подобные процессы имеют место и в других частях света, в частности в постсоциалистических экономиках Восточной Европы, самые развитые из которых все меньше могут конкурировать за счет низких зарплат. Например, в Польше в декабре 2017 года среднемесячная валовая заработная плата в промышленном секторе колебалась около 1450 долларов, что в то время объяснялось высоким курсом валюты. Эти цифры относятся к компаниям, в которых более 9 работников, так что данная величина для всей экономики может быть даже на несколько сотен долларов ниже.

этом очень важны далеко идущие, серьезные последствия различных инфраструктурных проектов, финансируемых в обмен на долгосрочные стратегические контракты на поставку сырья. Это особенно ярко выражено в Африке и Латинской Америке, но все еще остается относительно маломасштабным в Центральной Азии, на Среднем Востоке, в Восточной Европе и — что интересно и важно — в российской Сибири. В будущем здесь произойдут радикальные перемены, и грандиозная программа, представляемая как Новый шелковый путь, будет играть в этом ключевую роль. Это одно из обиходных названий программы, а официальное — «*Один пояс — один путь*» (ОПОП), в последнее время ее чаще называют *инициативой «Один пояс — один путь»*. Программа предусматривает значительные инвестиции в инфраструктуру, предназначенную для расширения торговли между Китаем и его иностранными партнерами на западе, юге и севере. Программа нацелена на сотрудничество с несколькими десятками стран в Азии, на Среднем Востоке, Севере, а также в Восточной Африке, Центральной и Восточной Европе.

Что такое инициатива «Один пояс — один путь»? Это политика или институт? Или, может, организация или структура? Думаю, лучше всего говорить об этом, по предложению самих китайцев, как об инициативе. Или о проекте. За всеми проектами всегда стоят два «и»: идеи и интересы. Так и здесь, хотя на этот раз, в отличие от того времени, когда председатель Мао хотел экспортировать коммунистическую революцию, идеи остаются на втором плане. Правда, есть мнение, что Китай намерен проводить идеологическую и политическую экспансию в другие страны, но определенно речь идет не о том, чтобы побуждать других следовать китайским путем, и даже не о навязывании китайской экономической и политической модели, а об экономических факторах. Да, в некоторых регионах, через которые проходит Новый шелковый путь, например странах Центральной Азии — где, кстати, старый Шелковый путь процветал и оставил свой след несколько столетий назад, — система с китайскими чертами может показаться более

привлекательной, чем западная либеральная демократия, но в Центральной и Восточной Европе она едва ли кого-то вдохновит.

Китайские политики и экономисты подчеркивают необходимость продолжения глобализации, и в этом нет ничего странного, потому что она принесла им больше пользы, чем кому-либо другому. В то же время они подчеркивают необходимость смены характера и нынешнего курса процесса глобализации. Поэтому мы столько слышим о «трансформации глобализации», которая должна быть инклюзивной и справедливо распределять результаты наднационального сотрудничества во всех областях: от экономики и окружающей среды до безопасности и технологий, науки и культуры. В этом контексте на первый план выдвигается значение такого инструмента, как инициатива «Один пояс — один путь». Эта инициатива предназначена для того, чтобы трансформировать глобализацию, в ее нынешней форме отвергаемую многими, в глобализацию, которая станет более полезной для человечества, чем то, что предлагал Запад. Именно поэтому некоторые страны, скорее за пределами Запада, возлагают на нее большие надежды, в то время как другие, на Западе, высказывают определенные опасения. Первым любопытно, что эта «глобализация с китайскими чертами» может им принести; вторые, вероятно, предпочли бы не испытывать это на себе, а есть еще и те, кто с интересом наблюдает, что из всего этого получится...

Вторая «и» — интересы, и они отчетливо выходят на первый план. Это большой бизнес, так как в том, что касается размеров, это гигантский проект, хотя его масштабы еще не полностью известны даже в Пекине. Говорят, что инициатива «Один пояс — один путь» охватывает 65 азиатских, европейских и африканских стран, в которых проживает свыше 60 % населения планеты на 38,5 % ее территории. Торговля между этими странами составляет 35 % мирового товарооборота; их валовой продукт — 30 % мирового производства, а бытовое потребление — 24 % того, что потребляет все человечество.

Инициатива «Один пояс — один путь» как инструмент инклюзивной глобализации

Как подчеркивают китайские власти, инициатива «Один пояс — один путь» создает великолепные возможности для сотрудничества в пяти областях:

— культурный обмен через продвижение межличностных отношений и сотрудничество;

— координация политики через планирование и поддержку крупных инфраструктурных проектов;

— финансовая интеграция через усиление координации валютной политики и двустороннего сотрудничества в финансовой сфере;

— торговля и инвестиции через поддержку межстрановых капиталовложений и сотрудничество в цепях поставок;

— *взаимосвязь производственных мощностей* путем создания мощностей, которые позволяют контактировать вдоль пояса и пути.

Хотя в названии проекта использовано слово «путь», он четко не прочерчен его авторами. Нет никаких официальных карт, которые показывали бы, куда предположительно должна вести эта дорога, поэтому возможна большая гибкость при его прокладывании. Разрабатывается специальная картография. Конечно, путь должен проходить по территории стран, которые запланированы в качестве участников проекта. На карте инициативы «Один пояс — один путь» также имеется 12 африканских портов, 10 из которых расположены за пределами Египта — единственной страны этого континента, включенной в проект. В этом-то все и дело: кто кого включал и на основании чего это делалось?

Конечно, их включал Китай, хотя по не вполне понятным основаниям. Это захватывающая геополитическая и геоэкономическая игра, цели которой четко не определены, а правила полностью не ясны. Имеется много игроков; предположительно, карты уже раздали, но никто не знает, все ли это карты. Ведется ли игра только на столе или некоторые карты передаются под столом? Кто чем рискует и ради какого большого гипотетического выигрыша?

Политические декларации остаются туманными и, конечно, полны заверений о доброй воле инициатора, но во многих местах Евразии (и не только) они вызывают различные сомнения, размышления, подозрения, беспокойство. Экономические цели только очерчены, и невозможно сформировать четкое мнение о том, что и почему, где и когда, на чьи деньги будет построено и как этим будут управлять. Именно так идет эта не ограниченная временем игра.

Приглашенные участники ждут ее с нетерпением, надеясь, что присоединение к проекту на этом этапе не будет для них ничего стоить и, может быть, со временем они получают от него даже значительную выгоду. Угрозы репутации также нет, поскольку, несмотря на усиливающиеся атаки Запада на Китай, необходимость сотрудничества с ним очевидна. Таким образом, никто не отказался от участия в проекте, даже те страны, у которых в последнее время были не лучшие отношения со Средним Царством, такие как Вьетнам и Филиппины. Необходимо особо подчеркнуть, что только Китай может себе позволить такой гигантский проект, о котором он объявил в одиночку и который инициировал таким образом.

Если бы Соединенные Штаты Америки предложили что-то подобное, назвав это, предположим, «*Великие Америки*», и составили карту территории от Аляски до Огненной Земли, то у этого плана был бы фальстарт, потому что некоторые из стран Карибского бассейна и Латинской Америки, такие как Гаити и Венесуэла, определенно не имели бы пользы от подобного *dictum* (авторитетное заявление — *лат.*). Если бы Европейский Союз объявил, предположим, о *Евро-Африканском проекте* без проведения должной организационной работы *ex ante* (до события — *лат.*), то некоторые из постколониальных стран могли бы отказаться от участия в таком предприятии. Только Китай может себе позволить проект, к которому с готовностью и без каких-либо предварительных условий присоединятся Пакистан и Индия, Польша и Россия, Израиль и Сирия, Мьянма и Бангладеш, Саудовская Аравия и Иран, Непал и Бутан.

При взгляде на карту в первую очередь в глаза бросается географический критерий. Почти все страны Азии, вся Центральная и Восточная Европа вовлечены в проект, а также Египет, поскольку что же это будет за дорога, если в нее не включен Суэцкий канал? Азия охвачена почти вся, но по политическим причинам две Кореи и Япония — в стороне. Так получилось, потому что невозможно было подписать одну только Южную Корею в то время, когда на Северную Корею наложены суровые санкции, так что Китай решил избежать обвинений в сотрудничестве с режимом Пхеньяна. Япония была исключена, потому что отношения с богатой Японией у Китая не самые лучшие, и с ней пришлось бы вести переговоры по поводу инициативы «Один пояс — один путь», но, к сожалению, сложившаяся атмосфера этому не способствует. Финляндия и Греция отсутствуют на краю карты, потому что это страны Западной Европы, а с другой стороны нет Папуа — Новой Гвинеи, потому что это уже «Австралия и Океания». Таким образом, из-за специфической политкорректности и простоты нанесения на карту на ней представлены страны, через которые, как предполагается, пойдет Новый шелковый путь, то есть сухопутная территория и прибрежная морская полоса. Среди них есть такие страны, как Восточный Тимор и Бахрейн, Македония и Эстония, хотя наиболее вероятно, что никакие верблюды не отправятся в том направлении и поблизости не проплывет ни одна джонка.

В сущности, Китай никого не спрашивал, хотят ли они быть включенными в проект. Вначале подписали тех, кто нужен самому Китаю, — и, кроме упомянутых выше исключений, Китай в дальнейшем об этом объявил. Однако если кто-то не включен в список, это ничего не значит. Например, Греция — член НАТО и Евросоюза, тем не менее порт Пирей, большая часть которого находится во владении китайского капитала, отмечен на карте⁷.

⁷ Это еще один парадокс, но все дело в давлении Запада, особенно так называемой «Большой тройки», то есть Европейской комиссии, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда, которые считают, что Греция должна улучшить свое финансовое положение также путем приватизации государственной собственности, поэтому они подтолкнули правительство в Афинах к продаже порта Пирей. Инвестором оказалась китайская судоходная корпорация COSCO.

Страны Латинской Америки не были официально приглашены в программу «Один пояс — один путь», но инициаторы проекта называют их «естественным расширением» и «необходимыми участниками» предприятия. Иначе говоря, Китай действует как обычно, все больше инвестируя в Латинскую Америку, и содействует своим компаниям, поощряя их проникновение на эти рынки, в отличие от их северного соседа, который открыто препятствует подобным движениям. Это происходит из-за поведения Дональда Трампа, который оскорбительно отзывается о некоторых из них, особенно о Мексике и Сальвадоре. В то же время, когда американский президент в типичном для него стиле говорил, что сказал что-то другое, а не то, что сказал *de facto*, — на этот раз на Всемирном экономическом форуме в Давосе через год после выступления китайского президента — китайский министр иностранных дел Ванг Йи присутствовал на собрании всех 33 стран, входящих в Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, СЕЛАК (Comunidad de Estados Latino americanos y Caribeños — *исп.*), и выступил против торгового протекционизма, а также предложил региону «Стратегию общей пользы и общей прибыли» [4].

Фактически никто точно не знает, сколько, где, когда и как китайцы собираются инвестировать в сухопутные и морские коммуникации при осуществлении проекта «Новый шелковый путь». В поступающей информации фигурирует цифра 4 трлн долларов, которая должна впечатлить всех даже в самых богатых странах, которые находятся несколько дальше, в конце пути, например во Франции и Великобритании, потому что это больше, чем их ВВП. Неудивительно, что в этих странах праздновали прибытие грузового поезда из Китая, который прошел долгий путь, используя уже существующую инфраструктуру, одновременно сигнализируя о необходимости ее модернизации и расширения, о чем и говорится в концепции Нового шелкового пути. То же самое происходило и в Польше, когда в июне 2016 года из Китая прибыл грузовой поезд, и его на платформе в Варшаве приветствовали президенты Анджей Дуда и Си Цзиньпин, который совершал

официальный визит на берега реки Вислы. Также неудивительно, что западноевропейские политики, посетившие Пекин в начале 2018 года (в январе — президент Франции Эммануэль Макрон, а месяц спустя — британский премьер-министр Тереза Мэй), говорили о торговле и инвестициях больше, чем о безопасности и международных отношениях. Все хотят оказаться в числе получателей потока из 4 трлн долларов, пусть хотя бы его небольшой части...

В слаборазвитых странах Китай вносит большой вклад в инфраструктуру для развития человеческого капитала — школы и университеты, поликлиники и больницы. Для этой цели они используют льготные кредиты, которые нередко погашаются лишь частично и превращаются в гранты. В реализации проектов зачастую оказываются задействованы крупные китайские строительные компании, поэтому неудивительно, что они становятся магнатами мирового масштаба. Если посмотреть на геополитическую карту мира с этой точки зрения, довольно легко заметить, что Китай особенно активен там, где Запад потерпел неудачу. Когда-то, в колониальные времена, Запад эксплуатировал вместо того, чтобы помогать, а потом, в неоколониальные времена, обманывал вместо сотрудничества, а недавно, во время глобализации, иногда вместо того, чтобы создавать области позитивной совместной деятельности, он исключал кого-то из участия в процессе.

Интересно, что Китай также активен там, где провалился Советский Союз, особенно Россия как его основная часть. Это разочарование все еще отбрасывает густую тень на политику и экономику, на культуру и менталитет в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Может, география и история пошли своим путем, но у современных интересов своя повестка, которая четко видна в регионе, где находятся эти постсоветские центральноазиатские республики. В этом очень интересном регионе, который ни в коем случае не настроен автоматически на поддержание политической стабильности и устойчивого развития, мы имеем уникальную смесь: он находится на перекрестке уже укоренившихся черт, являющихся результатом русского, азиатского и исламского влияния, а также советского наследия.

Теперь к этому добавилось влияние Китая и стран Запада. Последнее объясняется, с одной стороны, важностью региона в борьбе с международным терроризмом, щупальца которого простерлись до этих земель, с другой — богатыми энергетическими ресурсами, которые важны и принимаются в расчет во всем мире.

Кстати, стоит отметить, что географическое положение, которое экономика и политика не выбирают, может быть благословением, как в случае Швейцарии, зажатой между Германией, Францией, Италией и Австрией, а может быть и проклятием, которое испытал на себе Ирак, расположенный между Ираном, Турцией и Саудовской Аравией. Необходимы политические навыки и умение внедрять национальные стратегии, выгодные для социально-экономического развития, чтобы определить, смогут ли постсоветские республики Центральной Азии, занимающие важное место на Новом шелковом пути, также использовать аспект своего местоположения себе на пользу, или другие воспользуются этим преимуществом. Если кто-то находится в зоне, где за влияние конкурируют Китай и США или Европейский Союз и Россия, от этого можно как многое потерять, так и многое выиграть. Однако для того, чтобы это случилось, в первую очередь нельзя позволять себе антагонизм по отношению друг к другу, а также во взаимоотношениях с этими крупными игроками на мировой арене.

Мировая экспансия Китая

Очевидно, что в стране активно поддерживается рост социально-экономического развития и ведется борьба с бедностью, но по этой же причине Китай подозревают и даже обвиняют в дурных намерениях, идеологической индоктринации и политической коррупции. Если бы дело обстояло так, хотя бы частично, это не изменило бы того факта, что такая стратегия помогает другим экономикам, находящимся на более низком уровне развития, в их стремлении освободиться от экономической зависимости. И если это угрожает балансу влияний, то вместо непродуктивной критики китайской экспансии

лучше усилить поддержку со стороны богатого Запада и прагматично переориентировать направления деятельности международных организаций, в которых доминирует Запад.

Нет ничего неразумного или опрометчивого — на самом деле как раз наоборот — в том, что вместе с экспортом капитала и товаров Китай также «экспортирует» часть своих навыков из сферы «мягкой» инфраструктуры. Это именно те позитивные практики, о которых мы так любим говорить в теориях управления [2]. Как и в самом Китае, так и в других странах даже самые быстрые поезда не могут ходить без правил дорожного движения, а более образованный персонал не обеспечивает социально-экономический прогресс автоматически. Это тем более не может привести к успеху в экономиках, которые являются отсталыми по сравнению с китайской. Поэтому они могут и должны учиться у китайцев. Знания и навыки в настоящее время являются особо ценным «товаром». Я поставил это слово в кавычки, потому что это не товар в буквальном смысле, то есть продукт человеческого труда, предназначенный для обмена на рынке, — в этом случае зачастую речь идет о нефинансовых трансферах.

Благодаря стипендиям десятки тысяч иностранных студентов живут в Китае, получают знания в областях, предпочтительных с точки зрения внешней экспансии Китая. Я читал лекции в Пекинском университете группе из 40 иностранных студентов-стипендиатов, все они приехали из «развивающихся» стран, самыми развитыми из которых были Турция и Казахстан. Почти все они, за исключением полинезийца из Тонги и студента с Багамских островов Карибского бассейна, были гражданами стран, которые оказались на Новом шелковом пути или, если страна находится в Африке, по тем же причинам остаются в сфере интересов Среднего Царства. Здесь нет совпадений.

Китай также использует свое присутствие и растущую активность в международных организациях, особенно во Всемирном банке (ВБ), Международном валютном фонде (МВФ) и Азиатском банке развития (АБР),

для того чтобы влиять на институциональные решения, направление и проведение политики развития в тех странах, которым эти организации оказывают финансовую помощь и которым предоставляются профессиональные консультации. Китайское влияние ни в коем случае не оказывается сильнее западного, особенно ВБ и МВФ, но все чаще можно видеть, как в страны, освобождающиеся от экономической зависимости, посылают китайских экспертов от той или иной международной организации, и все чаще можно почувствовать «китайский дух».

За всем этим следует дипломатическое наступление. В настоящее время в Китае работает 166 посольств, и столько же китайских посольств открыты по всему миру. На одно больше у США — 167. Однако вскоре Китай обгонит их по этому показателю — как только еще одна страна, пока признающая Тайвань представительством Китая, изменит свое мнение. После холодной войны (самой первой) все еще работают 20 посольств Тайваня: как и следовало ожидать от острова, шесть из них действуют в островных государствах Тихого океана, пять — в зоне Карибского бассейна, пять — в Центральной Америке, одно в Южной Америке, два — в маленьких африканских странах и Ватикане. Со временем, когда произойдет реинтеграция Китайской Народной Республики и Тайваня (а это обязательно случится), именно у Китая будет больше всего дипломатических представительств в мире. Сегодня же, если учитывать не только посольства, но и все дипломатические посты, то их у Китая 268, а у США 273. Для сравнения следует упомянуть, что у России 242 поста, а у Франции 266.

Китай является крупнейшим или вторым по объемам торговым партнером примерно 80 стран. Поэтому неудивительно, что происходящее там в большой степени определяет то, что происходит в других местах в мировой экономике. Экспорт Китая достигает 2,2 трлн долларов США, получателем номер один являются Соединенные Штаты Америки (18,2 %), за ними следуют (не учитывая Гонконг, где КНР продает 13,8 % своих экспортируемых товаров) Япония (6,1 %), Южная Корея (4,5 %) и Германия с немного меньшей долей.

Объем импорта примерно на 425 млрд долларов меньше, здесь на первом месте Южная Корея (10,0 %), за которой следуют Япония (9,2), Германия (5,4) и Австралия (4,4 %), и только после них — США, экспорт из которых в Китай меньше австралийского. Еще раз обращаю внимание, что на карте Нового шелкового пути отсутствуют два соседа Китая — Южная Корея и Япония, из которых в Поднебесную поступает до пятой части экспорта. Частичное объяснение заключается в том, что это высокоразвитые страны, имеющие собственную развитую инфраструктуру.

Зависимость от китайской экономики является многосторонней и выходит далеко за границы прямого экспорта и импорта. В специализированной литературе даже появился новый показатель — *индекс синозависимости*, отражающий изменения в фондовом индексе S&P 500⁸, зависящие от рейтинга 135 компаний, которые в него включены и получают доходы от операций в Китае [3]. Когда китайская экономика растет, котировки на фондовых биржах тоже растут, и наоборот. Когда в 2009–2012 годах, отмеченных мировым кризисом, *индекс синозависимости* увеличился на 130 %, индекс S&P 500 поднялся более чем на 50 %. Иначе говоря, если бы не продолжение китайского бума, экономическое положение и ситуация на биржах, которая отражает его во многих других странах, включая самые развитые, было бы значительно хуже. Поэтому, если кто-то желает Китаю недоброе, это означает, что он желает зла себе.

Вывод

Китай выступает за глобализацию и одновременно указывает на необходимость ее большей инклюзивности, признает, что невозможно обойтись без сокращения коммерческого и финансового дисбаланса в мировой экономике, больше, чем некоторые высокоразвитые страны, заботится об

⁸ S&P 500 — фондовый индекс, принадлежащий компании “Standard&Poors” и ею же составляемый. Значение определяется по котировкам на Нью-Йоркской фондовой бирже и Национальной ассоциации фондовых дилеров США, в корзину включены 500 предприятий, имеющих наибольшую капитализацию, в основном американских.

экологическом равновесии (хотя ранее внес немалый вклад в его разрушение), и постепенно встает на путь экономической политики, диктуемой новым прагматизмом [1; 5; 8]. Там едва ли существует неолиберализм, коррупционная составляющая капитализма постепенно уменьшается (хотя и медленно), а идеи и мнения, связанные с новым прагматизмом, множатся [6].

Китай может существенно помочь при формировании желательного будущего, снижая растущие глобальные угрозы и риск огромной катастрофы, выходящей далеко за пределы экономики. А эта угроза реальна, если бы, с одной стороны, можно было перенаправить экономику на неолиберальные рельсы *в обычном режиме*, а с другой — было бы невозможно контролировать эскалацию нового национализма. Однако можно надеяться, что катастрофы не случится, и в большой степени это произойдет благодаря Китаю.

Литература

1. *Baltowski M.* Evolution of economics and the new pragmatism of Grzegorz W. Kolodko / M. Baltowski // TIGER Working Papers. — 2017. — № 136 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.tiger.edu.pl/Baltowski_Evolution%20of%20economics%20and%20the%20new%20pragmatism%20of%20Grzegorz%20W.%20Kolodko_III%202017.pdf
2. *Cieřlik J.* Entrepreneurship in Emerging Economies: Enhancing its Contribution to Socio-Economic Development / J. Cieřlik. — Basingstoke ; Houndmills : Palgrave MacMillan, 2016.
3. Teenage angst // The Economist. — 2012. — August 25th [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.economist.com/node/21560890>
4. China moves into Latin America // The Economist. — 2018. — Febr. 3rd [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://www.economist.com/news/americas/21736192-asian-giant-taking-advantage-other-powers-lack-interest-region-china-moves>
5. *Galbraith J. K.* Backwater Economics and New Pragmatism: Institutions and Evolution in the Search for a Sustainable Economics / J. K. Galbraith // TIGER

Working Papers Series. — Warsaw : Kozminski University, 2018. — № 138 (Jan.)
[Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа:
<http://www.tiger.edu.pl/TWP%20No.%20138%20--%20Galbraith.pdf>

6. *Hu B.* The Belt and Road Initiative and the Transformation of Globalization / B. Hu // Distinguished Lectures Series. — 2018. — № 26. — Warsaw : Kozminski University [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа:
<http://www.tiger.edu.pl/publikacje/dist.htm>

7. *Huang Y.* Cracking the China Conundrum: Why Conventional Economic Wisdom is Wrong / Y. Huang. — N. Y. : Oxford University Press, 2017.

8. *Kolodko G. W.* The New Pragmatism, or Economics and Policy for the Future / G. W. Kolodko // Acta Oeconomica. — 2014. — Vol. 64, № 2. — S. 139–160.

9. *Kraemer K. L.* Capturing Value in Global Networks: Apple's iPad and iPhone / K. L. Kraemer, G. Linden, J. Dedrick // PCIC Working Paper. — Irvine : Personal Computing Industry Center, University of California. — 2011, July [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа:
http://pcic.merage.uci.edu/papers/2011/value_ipad_iphone.pdf

10. *Morris I.* Why the West Rules — for Now: The Patterns of History and What They Reveal about the Future / I. Morris. — L. : Profile Books, 2010.